

МИХАИЛ КРОТОВ

Консерватизм и экономическая политика

Политико-экономические вопросы теории консервативной модернизации

Консерватизм имеет давнюю традицию, но содержание этого термина в разных странах понимается по-разному. Современные европейские консерваторы, выступая за сильное государство, укрепление семьи, брака и религии, свободу предпринимательства и приватизации, снижение налогов, не возражают против регулирования рынка и твердых социальных гарантий. Эволюция, в их представлении, объединяет два начала: сохранение (защита национальной экономики от неблагоприятных внешних воздействий) и изменение (активное стимулирование нововведений). При этом без разнообразия нет отбора, а без отбора нет эволюции.

Примером консервативного подхода к решению экономических проблем можно считать политику М. Тэтчер в Великобритании и Ли Куан Ю в Сингапуре во второй половине XX века. Идеи консерватизма получили широкое распространение и в современной России. При этом начиная с 2000 года руководству страны удастся сочетать консервативные инструменты развития экономики и ее социальную направленность на повышение благосостояния народа. Тем не менее практические потребности, а также необходимость ответа на

критику социально-консервативной политики и со стороны радикальных либералов, и со стороны социалистов и коммунистов делают чрезвычайно актуальным дальнейшее развитие теории социального консерватизма в России. Общественности необходимо разяснять преимущества социально-консервативного подхода и для ускорения социально-экономической модернизации, и для развития процессов либерализации и демократизации, и для успешной интеграции России в Евразийский экономический союз и мировую экономику в целом.

Совместимы ли консерватизм и модернизация?

Что означает консервативная модернизация с современных политико-экономических позиций? *Во-первых*, прежде всего она означает качественный скачок, прорыв, фазовый переход в эволюции. Речь идет о технологическом прорыве в тех областях, где Россия находится на одном этапе с наиболее развитыми странами и может преодолеть отставание в относительно короткие сроки. К ним относятся ракетно-космическая техника, атомная энергетика,

ряд медицинских, информационных и других технологий. Технологический прорыв должен сопровождаться преобразованием институтов власти, бизнеса и всего общества.

Теория эволюционной модернизации, созданная в середине прошлого века У. Ростоу и Т. Парсонсом, включает концепцию рыночного планирования и русских экономистов В. В. Леонтьева, В. В. Новожилова и Н. П. Федоренко. Эта концепция позволяет разрешать конфликты, неизбежные при развитии и усложнении экономической системы, без революционного изменения общественного строя, за счет реформы управления, поддержки новаторов и среднего класса, устойчивого экономического роста.

Во-вторых, консервативная модернизация является ненасильственной. Инициатива прорыва исходит от власти и обычно связана с проигранной войной (реформы после Крымской войны в России и после Второй мировой в Германии и Японии) или с угрозой потери независимости и экономического краха (реформы Мэйдзи в Японии, Ататюрка в Турции). Однако для успеха модернизации требуется убедить в ее необходимости и привлечь к ее осуществлению не только узкий слой элиты, но и весь народ. Нереволюционная модернизация в этом случае становится органичной и ведет к изменению институтов и менталитета нации. Иначе она сводится к копированию чужого опыта и превращается в постоянно догоняющую.

Насильственная модернизация при Петре I и при И. В. Сталине достигла своих целей. В первом случае Россия превратилась из региональной в мировую державу, во втором — советская промышленность, несмотря на потерю наиболее развитых западных районов, уже в 1943 году

обогнала Германию, на которую работала вся континентальная Европа, по выпуску танков, самолетов и ряда других видов военной техники. Однако социальные последствия такой модернизации (раскрестьянивание села в годы коллективизации, ухудшение демографической ситуации, подрыв личной инициативы и заинтересованности) оказались трагичными. В постиндустриальной экономике насильственная модернизация не только вредна, но и невозможна. У сегодняшней России уже нет массовых резервов трудоспособного населения, да и сами люди стали другими: опыт перестройки сделал их более рациональными и информированными, они хорошо понимают собственные интересы и не склонны на веру принимать громкие лозунги, обещающие «сияющие высоты» далеким будущим поколениям.

В-третьих, консервативная модернизация означает использование всего лучшего из накопленного предыдущими поколениями. Благодаря преимуществам системы образования и концентрации усилий на ведущих направлениях науки Россия в свое время стала мировым лидером по строительству мостов, открытиям в радио- и телетехнике, вертолетостроению, турбо- и котлостроению. В нашей стране появилась первая АЭС, был запущен первый искусственный спутник Земли, построены первые реактивные и сверхзвуковые гражданские самолеты. Возрождение, сохранение и приумножение всего лучшего, что было достигнуто в дореволюционной России, в советские и даже в «лихие девяностые» годы означает отрицание как крайне левого, так и крайне правого радикализма и экстремизма.

Российский консерватизм означает бережное отношение к культуре, сохранение традиций российско-ев-

разийской цивилизации, противодействие политикам в попытках дестабилизировать обстановку в стране ради того, чтобы освоить чужие политико-экономические модели. В мире, по оценке ведущих социальных философов, ныне насчитывается всего десяток самобытных цивилизаций. Успешные модернизации использовали их особенности как важные конкурентные преимущества, сочетая консервативное отношение к культуре с революционными решениями в политике, сохранение своей цивилизационной идентичности с решительным изменением положения дел в экономике и социальных отношениях.

М. Ганди предупреждал, что для многонаселенной Индии станет катастрофой освоение стандартов культуры потребления, принятых в США. «Новый курс» Ф. Рузвельта помог избежать слома рыночной системы и социальной революции благодаря ориентации на развитие присущей американцам деловой инициативы и ограничение власти монополий. Нынешний президент США Б. Обама, используя свойственные американской цивилизации методы, поддерживает науку, образование, высокие технологии, малый бизнес и в то же время усиливает контроль за финансовыми рынками, офшорными счетами и бонусами деятелей с Уолл-стрит.

Консервативная позиция должна базироваться на таких ценностях российской цивилизации, как коллективизм, стремление к социальной справедливости, изобретательство, умение хозяйствовать в трудных условиях, понимание особой роли государства в огромной по территории стране с протяженными границами, многонациональным и многоконфессиональным населением, а также толерантность по отношению к традиционным для России нациям и религиям.

Патриарх Московский и всея Руси Кирилл справедливо выступил против превращения самобытных культурных сообществ в аморфную массу, не помнящую о своих корнях и руководствующуюся в своей жизни бездуховными универсальными принципами. Россия, по его мнению, — это органичная часть европейской цивилизации; и в то же время религиозно-культурные отличия восточной и западной частей этой цивилизации — объективная данность, порождающая красочную культурную палитру¹. Как отмечал Н. А. Бердяев в работе «Русская идея», русский народ есть не чисто европейский и не чисто азиатский народ. В душе русского народа всегда боролись оба начала — и восточное, и западное.

При этом следует учитывать, что Европа сейчас стоит перед серьезным вызовом утраты собственной цивилизационной и культурной идентичности. В XXI веке здесь возникло разочарование в прежней идеологии. В духовном вакууме всеобщего релятивизма современный человек, как считает патриарх Кирилл, следует скорее своим личным интересам и удовольствиям, чем каким-либо принципам. Это во многом напоминает эпоху распада Римской империи с ее утратой нравственных ориентиров.

Российский консерватизм означает отказ от догмы бесконечного роста потребления, навязываемого всем народам мира рекламой и массовой культурой, доминирующей в евроатлантической цивилизации. К сожалению, многие российские политики не понимают истинного смысла политэкономии консерватизма, противопоставляя консерватизм и модернизацию. Так, И. Ю. Юргенс —

¹ См. Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Русская Церковь и европейская культура. — «Эксперт». 2010. № 4.

председатель правления Института современного развития, в одном из своих выступлений заявил, что консервативная модернизация — «это оксюморон, это, как горячий снег», и он не верит, что консервативная модернизация возможна в тех условиях, в которые сейчас исторически поставлена Россия².

Ряд авторов вообще отрицают возможность модернизации России. Они, в том числе Ю. Н. Афанасьев, политик, известный в 1980—1990-е годы, считают, что Россия упустила все исторические шансы модернизации. К сожалению, в таком убеждении они не одиноки. По мнению ряда исследователей, мы слишком богатые и гордые, чтобы пойти в ученики³. Но даже сторонники этого подхода признают, что «Россия, как бы ни менялись ее геополитические контуры, не провалится сквозь землю, а потому вопрос о ее модернизации, при всех историко-политических обстоятельствах, остается на повестке дня»⁴. На наш взгляд, консервативно-модернизационный потенциал России огромен. В то же время в нашей стране более невозможна насильственная модернизация — хотя бы потому, что в начале XX века более трех четвертей ее населения было моложе 35 лет, а к 2010-му доля относительно молодых людей достигла менее 40 процентов. Залогом успеха нынешней модернизации являются сбережение народа и развитие человеческого капитала с опорой на лучшее в национальной культуре.

Политическая экономия призвана обосновать пути возрождения России как мировой державы на принципиально новой платформе, на базе «умной экономики», ценностей и

институтов демократии. Это предполагает широкие внутрипартийные и общественные дискуссии, качественные изменения в экономике и социальных отношениях. Выступая на Петербургском экономическом форуме 2012 года, Президент Российской Федерации В. В. Путин подчеркнул, что «ключевым вопросом в государственной политике мы считаем создание не просто благоприятного, а в полном смысле лучшего, конкурентного инвестиционного климата. И к концу текущего десятилетия Россия должна войти в двадцатку стран мира с наиболее комфортной деловой средой». В этих целях уже сформированы конкретные «дорожные карты» по ликвидации административных барьеров при подключении к электроэнергии, в сфере строительства, прохождения таможенных процедур, оформления внешнеторговых сделок, регистрации бизнеса, оформлении налоговой отчетности. Появилась новая должность — федерального омбудсмена, призванного отстаивать интересы предпринимательского сообщества.

Многие исследователи предлагают рациональный набор мер экономической политики, соответствующий реальному уровню национальной экономики и ее институтов, а не новую радикальную «шокотерапию». Они основываются на необходимости учитывать предшествующую историю страны. Меры, которые оправдали себя в этнически однородной Польше или в Китае, с его уникальной системой административного и идеологического воздействия на народные массы, в России имели бы разрушительные последствия. Политическая экономия социального консерватизма должна предложить способы создания конкурентных рынков, не подрывающие позиции государства в качестве организатора и стратега

² См. «Газета.ру». 08.02.2010.

³ См. «Ведомости». 24.02.2010.

⁴ «Новая газета». № 115. 2009.

модернизации. Это позволит преодолеть провалы как рыночного, так и государственного механизмов. Характер российской модернизации определяется историческими закономерностями, а не стечением случайных обстоятельств⁵.

Социально-консервативный подход к диалектике либерализма и патернализма в условиях модернизации экономики

Понятие «либерализм» в разных странах трактуется совершенно по-разному. В США либералами считают представителей левого крыла Демократической партии, которые выступают в защиту социальных и политических прав всех групп населения, малого бизнеса, против всевластия крупных монополий, за государственное регулирование рынка в целях уменьшения масштабов экономического и социального неравенства⁶. Либералом считали президента Т. Джефферсона, который в 1802 году заявил: «Если американский народ когда-либо позволит, чтобы частные банки контролировали его валюту, то банки и корпорации, которые будут процветать вокруг них, лишат людей их собственности, сначала через инфляцию, затем через рецессию...» К либералам относят и нынешнего президента Б. Обаму.

В Европе либералами считают сторонников свободного рынка, выступающих за сведение роли государства к функциям «ночного сторожа», следящего за порядком, не вмешива-

ясь в жизнь граждан. Так полагает и лидер союза «Либеральная хартия» А. Н. Илларионов, по мнению которого, государственное вмешательство препятствует отбраковыванию неэффективных инвестиционных проектов, мешает пересмотру ошибочных решений и откладывает банкротство безответственного бизнеса, превращая неизбежный краткосрочный спад в длительную депрессию.

В начале XX века Н. А. Бердяев четко разграничивал либеральный консерватизм и радикальный, анархический либерализм: «...либерал-консерватор стоит выше, чем либерал-радикал, он более принципиален, он знает, что противопоставить чужим идеалам. Либерализм, как самодовлеющее отвлеченное начало, отстаивающее свободу личности, легко переходит в анархизм. <...> Это выражается в желании довести государство до крайнего минимума и постепенно его совсем упразднить, в непонимании самостоятельной природы государства. В таком либеральном анархизме нет настоящего пафоса и нет действительности, он носит теоретический и кабинетный характер»⁷.

В современной России радикально-либеральные идеи скомпрометировали себя в 1990-х годах, когда новые собственники, получившие за бесценно советские предприятия и право эксплуатировать природные ресурсы, стали миллиардерами, но высокотехнологичная база экономики оказалась разрушенной. «Невидимая рука рынка» примитивизировала российскую экономику и подорвала ее позиции в глобальной конкуренции.

Модель неолиберального капитализма не оправдала себя в условиях глобального кризиса. Рыночная эко-

⁵ См. В. Попов. Стечение обстоятельств или историческая закономерность? — «Вопросы экономики». 2009. № 7.

⁶ Ярким представителем американского либерализма является нобелевский лауреат П. Кругман (см., например: П. Кругман. Кредо либерала. М., 2009).

⁷ Н. А. Бердяев. Философия свободы. М., 2007. С. 582—583.

номика предполагает создание ренты (природной, административной и инновационной) и распределение этой добавочной прибыли при помощи конкуренции. Однако несовершенная монопольная конкуренция перемещает ренту из инновационной в финансово-спекулятивную среду. В недавно вышедшей работе нобелевского лауреата Дж. Стиглица наглядно показано, как свободный рынок губит глобальную экономику⁸. Ультралиберализм стал мировой силой, подрывающей демократию, рациональное управление и сам свободный рынок. Как отметил в своей лекции «Олигархия как причина упадка в США», прочитанной 17 января 2007 года в Институте общественного проектирования в Москве, американский социолог Р. Лахманн, западная модель либеральной демократии — это либерализм для групп, обладающих значительными ресурсами.

Ряд российских экономистов показал, что неолиберализм «вашингтонского консенсуса» неадекватно представляет базисные категории современной политэкономии. Выход из кризиса и переход к стабильному развитию экономики требуют обращения к альтернативной системе ценностей хозяйственной жизни, которые не сводятся к максимизации прибыли. Однако это не ставит под сомнение такие базовые ценности, как экономическая свобода, основанная на развитии и эффективном использовании способностей людей, их самореализации, частная собственность.

Необходимо признать, что в России до сих пор не было подлинно либеральной экономики, свободного массового предпринимательства. В сознании многих людей либера-

лизм все еще ассоциируется с неуправляемостью, вседозволенностью, грабительской приватизацией, разгулом олигархов и рэкетиров. Некоторые политики и экономисты говорят о крушении той модели развития, на которую западные страны делали ставку многие десятилетия. Правы они, когда критикуют бизнес за низкую социальную ответственность, его слабую ориентированность на задачи национального развития. В то же время трудно согласиться с призывами окончательно отказаться от монетарной политики, с констатацией конца либеральной экономики.

Так же, как невозможен в принципе «конец истории»⁹, невозможен и «конец экономики»¹⁰. Общество развивается по спирали. Старые «болезни», которые оно, казалось бы, давно победило, вдруг мутируют и требуют выработки совершенно новых «лекарств», но обязательно с учетом опыта прошлого. Отрицание радикального либерализма может и должно сопровождаться развитием либерально-консервативных экономических мер.

В своем выступлении на инвестиционном форуме «Россия зовет!» (2010 год) В. В. Путин подчеркнул, что и после кризиса «Россия останется рыночной, либеральной экономикой»¹¹. Это означает: поощрение частных инвестиций, интеграцию в мировое хозяйство, формирование благоприятного инвестиционного климата, планомерное и целенаправленное уменьшение государственного вмешательства в экономику, а также широкое применение традиционных рыночных инструментов, в том числе

⁹ См. Ф. Фукуяма. Конец истории и последний человек. М., 2004.

¹⁰ См. А. Дугин. Конец экономики. СПб., 2010.

¹¹ В. В. Путин. Выступление на инвестиционном форуме «Россия зовет!» в 2010 г. — <http://premier.gov.ru/events/news/5070>

⁸ См. J. Stiglitz. Freefall: Free Markets and the Sinking of the Global Economy. L., 2010.

приватизации. Одновременно требуется эффективный контроль за использованием трансфертных цен и закрытие офшоров.

Таким образом, социально-консервативный подход не предполагает метание от одной ценности к другой: от полного патернализма к абсолютному либерализму, от командно-административной экономики к стихийно-рыночной анархии — он нацелен на поиск оптимального сочетания государственного и частно-рыночного в модернизационной и антикризисной программе. При этом мерой такого сочетания выступает уровень качества жизни — результат социально-экономической деятельности, но не краткосрочный, а долгосрочный (мировой финансово-экономический кризис как раз и обусловлен считавшейся в течение ряда лет эффективной, но эгоистической и высокорискованной политикой крупнейших финансовых компаний США и других ведущих стран мира).

Сам результат экономической политики зависит от качества государственного управления и состояния рынка в стране. Бессмысленны абстрактные рассуждения о том, сколько должно быть государственного, а сколько рыночного, если при этом не анализируется, в каком состоянии находится государственное управление и что собой представляет рынок. В условиях коррумпированного государства, в котором господствует произвол чиновников, и неконкурентного, во многом монополизированного рынка любое соотношение этих ве-

личин даст отрицательный результат. И наоборот, эффективное государство, где управление осуществляется на основе демократически принятых законов, будет оптимально сосуществовать с эффективным, конкурентным рынком.

Улучшение качества патерналистских и либеральных институтов в обществе объективно ведет к гармоничной форме разрешения противоречий между ними. При этом сама по себе такая гармония не возника-

Социально-консервативный подход не предполагает метание от одной ценности к другой: от полного патернализма к абсолютному либерализму, от командно-административной экономики к стихийно-рыночной анархии — он нацелен на поиск оптимального сочетания государственного и частно-рыночного в модернизационной и антикризисной программе.

ет, она является результатом усилий государства, местного самоуправления, гражданского общества. Вытеснение государства из управления экономикой, повышение роли рынка, гражданского общества, личности возможны только в эффективном правовом государстве, то есть на основе одновременного укрепления государственных начал и демократизации общества.

Социальный консерватизм обосновывает эволюционный путь развития на базе качественных преобразований в обществе, оптимального сочетания патерналистских и ли-

беральных форм в управлении с целью улучшения всех сторон жизни граждан.

Политико-экономическое исследование либерализма связано с решением четырех основных проблем. Первая из них — *выбор особого российского или копирующего Запад пути развития в условиях глобализации*. По сути, продолжается традиционный для России спор между западниками и славянофилами. Некоторые экономисты сводят задачи модернизации к «евроремонту», требуя преобразовать по западному образцу не только технику и дороги, но и институты власти, СМИ, культуру. Они предлагают снять все ограничения для иностранного капитала в стратегических отраслях, передать ему право эксплуатации российского шельфа и важнейших месторождений полезных ископаемых. Однако, по мнению большинства российских экономистов, это не будет способствовать модернизации экономики, поскольку зарубежные ТНК рассчитывают сами получать инновационную ренту, а не создавать себе конкурентов в России. Поэтому Китай, Бразилия, Норвегия не отказались от госконтроля за использованием своих природных ресурсов и не отдали их иностранцам. При радикальном либеральном варианте глобализации Россия обречена постоянно догонять развитые страны, все более от них отставая.

Россия — самостоятельная часть евро-атлантической цивилизации, обладающая рядом историко-культурных, политических, экономических особенностей, и механическое копирование зарубежных технологий и институтов сорвет модернизацию. При максимальной открытости и интернационализме социальной среды в постиндустриальном обществе предстоит соединить освоенные в западных странах принципы ры-

ночного хозяйствования с исконными для России идеями социальной справедливости. По существу, это означает качественный скачок, но не связанный с государственным переворотом и восстанием одного класса против других.

Необходимо создать самые благоприятные условия для иностранных инвесторов, ученых и инженеров. Но если в Россию петровского времени квалифицированные иностранцы приезжали жить навсегда, в 1930-е годы зарубежные специалисты помогали проектировать и строить тракторные и автомобильные заводы, то сейчас они в основном заняты продвижением импорта. России нужны не иностранные заводы по отверточной сборке импортных узлов, а передовые технологии и, в еще большей степени, концепции по их разработке и освоению.

Вторая политико-экономическая проблема — *выбор наиболее подходящей для России модели демократии*. Модернизация экономики невозможна без модернизации всех сторон общественной жизни: развития принципов самоорганизации и самоуправления, свободы информации, политической конкуренции.

Радикальный вариант либеральной демократии, в отличие от социально-консервативного (либерально-консервативного) подхода, дискредитирует саму идею демократии. В этом случае демократия как власть народа превращается в свою противоположность — власть индивидов, свободных друг от друга и от общества в целом. Такой вывод верен не только для православно-мусульманской России, но и для протестантских по духу США. «...Самое уязвимое место в современной либеральной демократии, которое еще долго будет таковым оставаться, — считает известный американский ученый Ф. Фукуяма, — за-

ключается в том, что она может стать жертвой чрезмерного индивидуализма; это особенно заметно в самой индивидуалистической демократии из всех — в США»¹².

Принципы социально-консервативной политики предполагают на практике поиск оптимального сочетания индивидуального и общественного, выбора демократическим путем наилучшего набора монетарных, кейнсианских, институциональных и социалистических мер управления. Такая оптимизация достигается только в условиях последовательной антимонопольной и антикоррупционной политики, развития институтов гражданского общества и, конечно, разумной конкуренции неантагонистических политических партий. В США, например, в течение веков Демократическая партия, отстаивающая приоритет либеральных ценностей и государства всеобщего благоденствия, противостоит Республиканской партии консерваторов, сторонников уменьшения роли государства в экономике. Аналогично строится многопартийность в Германии (социал-демократы и христианские демократы), Великобритании (лейбористы и консерваторы) и Франции (социалисты и правые). В результате победившая на демократических выборах оппозиционная партия не идет на революционные изменения устоев общества, а лишь меняет меру сочетания патерналистских и либеральных методов управления.

Представляется, что для России и других стран СНГ этот демократический опыт развитых стран весьма актуален, особенно для формирования институциональной среды. Вместе с тем нельзя не видеть, что правящая в России партия — «Единая Россия», проводя социально-консервативную

политику, сочетает в своих практических действиях умеренно-либеральные и умеренно-патерналистские подходы. В отличие от нее правые и левые партии в России отстаивают либо радикально-либеральные, либо радикально-патерналистские подходы. В результате руководство России более гибко, чем оппозиция, реагирует на изменения социально-экономической конъюнктуры и запросы населения.

Формы демократии в разных странах не могут быть одинаковыми, а прямой связи между индексом экономических свобод и экономическим ростом не наблюдается. В Саудовской Аравии, ОАЭ, Катаре, Китае нет реальной конкуренции политических партий, полной свободы слова и религии, выборных руководителей регионов и муниципалитетов, но экономика развивается успешно, благодаря эффективной защите собственности и инвестиций. В демократической Франции, Великобритании, на Украине и во многих других странах губернаторы не избираются. В США они избираются с самого начала, но еще недавно (по историческим меркам) права голоса были лишены негры, женщины, граждане, не имеющие значительного имущества. И сегодня президентом США может стать человек, не набравший абсолютного большинства голосов избирателей. В Нидерландах разрешается голосование по доверенности, а в Великобритании абсолютно не прозрачен подсчет голосов во время выборов. Во многих странах Западной Европы и в части штатов США игнорируются решения ОБСЕ о международном наблюдении за выборами.

При выборе форм демократии необходимо учитывать уровень благосостояния граждан, долю среднего класса. Бедность — разновидность не-свободы. Демократия в нищей стране,

¹² Ф. Фукуяма. Великий разрыв. М., 2008. С. 21.

как говорил еще Аристотель, ведет к тирании. Успешная модернизация в Южной Корее, Сингапуре была проведена в условиях автократии или диктатуры, и лишь затем появились политические свободы. В России, где пока недостаточно развита конструктивная оппозиция, способная не только на критику, но и на выдвижение обоснованных экономических доктрин, замену неэффективных руководителей профессионально подготовленными кадрами, нельзя ставить телегу впереди лошади, требуя первоочередного, радикального и единовременного реформирования политической системы.

Политические и экономические реформы следует проводить одновременно, но с разной скоростью и в формах, подходящих для многоконфессиональной страны с совершенно разнородными по институциональной основе регионами. По прогнозу Калифорнийского университета в Сан-Диего (США), в Европе, где уже проживает 54 миллиона мусульман, к 2020 году их доля достигнет 25 процентов, а в следующем веке превысит 50 процентов (в Амстердаме, Марселе, Мальме это можно наблюдать уже сейчас). Для России мусульмане — не пришлые, а свои коренные граждане; однако увеличение их численности следует учитывать в политэкономических прогнозах.

На развитие демократии в России направлены такие меры, как обеспечение доступа к информации, закон о деятельности государственных и муниципальных органов, переход к электронным формам общения граждан и предприятий с государственными органами, гарантия доступа политических партий к СМИ и участию в работе избирательных комиссий, снижение лимита для прохождения партий в законодательные собрания, упорядочение механизма досрочно-

го голосования и сбора подписей для выдвижения кандидатов, реформа правовой и правоохранительной системы. Существенный вклад в демократизацию внесли законы, упрощающие создание политических партий и определяющие прямой выбор губернаторов. Готовится к принятию и закон о новом, более демократичном порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания РФ.

Вместе с тем развитие демократии не должно опережать адекватные изменения в экономическом базисе. Забегание вперед в радикальной демократизации жизни СССР без соответствующего развития рыночной экономики, в частности приватизации, не только привело к развалу СССР, но и надолго дискредитировало в глазах населения благородное понятие «демократия». Такую логику демократизации экономики и политики признают многие западные исследователи. «Развитие современной естественной науки движет экономическое развитие, а экономическое развитие ведет за собой — с отставаниями, спадами и ошибками — процесс политического развития в направлении либеральной демократии»¹³.

Третья базовая политико-экономическая проблема — *обоснование роли государства в модернизации и постиндустриальной экономике*. Инновационная экономика не должна находиться под безраздельным контролем как государства, так и крупных частных корпораций. Беспредметны и бессмысленны споры о том, следует ли увеличить или сократить роль государства и долю бюджетных расходов в ВВП.

Следует изменить сам характер отношений государства и бизнеса. Не подтверждается вывод радикал-ли-

¹³ Ф. Фукуяма. Великий разрыв. С. 381.

бералов о том, что государство всегда оказывается худшим собственником, чем частник. Государственные нефтяные компании Норвегии, Бразилии, Саудовской Аравии и других стран являются лидерами отрасли и успешно конкурируют с другими компаниями.

Тем не менее государство не должно заниматься производством товаров и услуг, которые может выпускать частный бизнес. Функция государства — выработка в сотрудничестве с бизнесом и всем обществом экономической, в том числе инновационной и промышленной политики, организация структурных сдвигов в экономике, социальная защита населения, контроль за социальной ответственностью бизнеса, производство нетоварных общественных благ, которые требуют бюджетного финансирования.

Глобальный кризис опроверг концепцию о снижении роли национальных государств. Не крупные корпорации и банки, не международные организации, а именно национальные государства разработали и осуществили антикризисные программы, которые позволили избежать развала экономики. За последние годы во всех государствах мира, в том числе в США и странах ЕС, выросла доля сторонников активного государственного регулирования экономики. В России, по данным исследования «Global Scan» (2009 год), за это высказалось 85 процентов опрошенных, за государственную поддержку ведущих отраслей и компаний — 78, за укрепление госбанков — более 62 процентов. Действия государства в годы кризиса одобрило около 50 процентов (в среднем по 23 странам — 44 процента, в том числе во Франции — 27, Японии — 18, Мексике — 9 процентов).

При опросе специалистов 53 стран о перспективах посткризисного

многополярного мира, где к традиционным лидерам — США и странам ЕС — добавятся Китай, Индия, Бразилия, Россия, подавляющее большинство выступило за эффективное госрегулирование, а не за возврат к радикально-либеральной модели «невидимой руки рынка». Особое значение, по мнению экспертов, приобретают развитие региональных сообществ, кластеров, борьба с сепаратизмом в многонациональных государствах, управление глобализацией с помощью разумного протекционизма.

Огосударствление российской экономики превышает среднемировой уровень, поэтому России предстоит оптимизировать объем и эффективность участия государства в деятельности коммерческих организаций. Доля государства в их активах в среднем в мире составляет около 30 процентов, а в России доля госсектора в экономике — не менее 40 процентов¹⁴. Предстоит акционировать большинство государственных предприятий, продать часть акций нефтяных, телекоммуникационных, финансовых и других компаний. Государство не войдет в капиталы фирм, которые не смогут вернуть кредиты госбанкам, а предложит их активы на рынке.

Принципиальное значение имеет изменение статуса госучреждений. Большинство из них становится автономными, то есть финансируется не по смете, а исходя из объема и качества выполненного госзаказа. При этом у них появилось право на получение внебюджетных доходов за счет платных услуг, создания малых предприятий, фондов социального капитала, использования своей недвижимости.

¹⁴ См. Д. А. Медведев. Россия: становление правового государства. Выступления, статьи, документы. Т. 3. М., 2010. С. 536.

Не меньшее значение имеют развитие государственно-частного партнерства, привлечение бизнеса к принятию политэкономических решений, законодательное регулирование лоббизма, сокращение разрешительных, надзорных и контрольных функций государственных органов, упрощение порядка согласования инвестиционных проектов, открытость государственных расходов, отделение власти от собственности. Разрабатывается теория эндогенной децентрализации, конфликтов и переговоров между сообществом государств и субъектами Федерации, которая позволит рационально распределить власть и учесть при выработке экономической политики интересы всех участников¹⁵.

По образному выражению Д. А. Медведева, бюрократия «кошмарит бизнес», берет под контроль СМИ, вмешивается в избирательный процесс, давит на суды. Поэтому предстоит изменить саму технологию власти, основанную на идеологии и политике принуждения, ведомственном сепаратизме — не менее опасном, чем национально-религиозный, обновить и изменить функции чиновничества, которое в значительной мере представляет собой замкнутую касту, рассматривающую свою работу как разновидность бизнеса. Именно в разработке теоретических основ отделения власти от собственности состоит предназначение современной политэкономии.

Четвертая базовая проблема состоит в решении вопроса: *в чем смысл социально-консервативного подхода в соотношении догоняющей и опережающей модернизации?*

¹⁵ См. А. Либман. Границы, конфликты и переговоры в федерациях и сообществах государств. — «Вопросы экономики». 2009. № 12.

На наш взгляд, опыт Франции и Японии свидетельствует о том, что инновационное развитие должно как насаждаться государством «сверху», так и воспроизводиться «снизу» на основе конкуренции. В этом плане в России созданы и крупные компании — госкорпорации, призванные выступать движущей силой модернизации, и инновационный центр «Сколково», который должен объединить свободных инвесторов. Иную точку зрения, ссылаясь на опыт США, отстаивает польский экономист и политик Л. Бальцерович, считающий, что «капитализм и ограниченное государство — вот главные стимулы для инноваций»¹⁶. Однако инновационная деятельность в США и странах СНГ находится в совершенно разных условиях. Например, до 50 процентов потребностей ведущих университетов США обеспечивают эндаумент-фонды, представляющие собой целевой капитал университетов, сформированный за счет денежных пожертвований (а это — десятки миллиардов долларов) и переданный в доверительное управление управляющей компании для получения дохода, идущего на финансирование университетов. В России даже Московский и Санкт-Петербургский университеты таких источников самофинансирования не имеют и без финансового и правового содействия со стороны государства не выдержат конкуренции с западными вузами.

В работах С. Ю. Глазьева, в частности в книге «Стратегия опережающего развития в России», раскрывается диалектика догоняющей и опережающей модернизаций. По мнению ав-

¹⁶ Л. Бальцерович. Свобода государства — это самая опасная свобода. — «Свободная Мысль». 2010. № 9. С. 25.

тора, догоняющая модернизация, основанная на копировании западных технологий, обрекает государство на технологическое отставание. В этом плане, на взгляд С. Ю. Глазьева, проект «Сколково», как и конструкторский центр «Боинг» в Москве, будет привлекать лучшие российские умы для работы на иностранных заказчиков, да еще за счет российского бюджета. Опережающую модернизацию можно обеспечить только на основе удовлетворения собственных потребностей развития российской экономики, а в этом случае, как считает ученый, логичнее было бы развернуть центры типа «Сколково» на базе уже действующих наукоградов: в Пущино, Черноголовке, Зеленограде¹⁷.

На наш взгляд, в условиях, когда десятки тысяч исследователей, не найдя на родине приложения своим силам, уезжают в США и Западную Европу (в 2009 году Россию покинуло 6,1 тысячи ученых и научных специалистов¹⁸), любые формы закрепления кадров исследователей в России надо приветствовать. Тем более что мировой капитал «перетекает» в страны с лучшими условиями бизнеса. В Китае и Юго-Восточной Азии самая дешевая рабочая сила, поэтому производство изделий многих всемирно известных марок перенесено в данный регион. В России самые дешевые и образованные исследователи, поэтому здесь могут успешно развиваться научно-технические работы ведущих мировых корпораций. При этом, конечно же, важно в первую очередь повышать конкурентоспособность оте-

чественной экономики, стимулируя, как справедливо отмечает С. Ю. Глазьев, развитие наукоградов, ориентированных на собственные нужды России и других государств СНГ, за счет бюджетов наших стран. Однако внутренние затраты на исследования и разработки в России в 2009 году составили 461 миллиард рублей, то есть менее 16 миллиардов долларов; а в США эти затраты составляют свыше 400 миллиардов долларов. Поэтому России придется сочетать опережающую и догоняющую модернизации, привлекая в страну средства транснациональных корпораций на проведение научных исследований и разработок в их интересах.

Доля нашей страны на мировом рынке наукоемкой и высокотехнологичной продукции составляет всего 0,5 процента (США — 36, Япония — 30 процентов). Как решить эту коренную для России проблему? Некоторые ученые полагают, что все дело в финансировании — и государство увеличивает расходы на науку. Но это не решит проблему. Главное сегодня — коммерциализация разработок, возврат вложенных средств, создание устойчивого спроса на нововведения со стороны предприятий, в основе которых должны лежать и институциональные преобразования.

Целью «Сколково», как и «Кремниевой долины», является создание условий для коммерциализации результатов труда исследователей, чтобы авторы изобретений и открытий могли воспользоваться результатами своих исследований. В этом плане показательно развитие малого бизнеса в сфере научных исследований и разработок в странах СНГ. В сфере НИР малый бизнес развит пока явно недостаточно: число малых предприятий колеблется от 12,2 ты-

¹⁷ См. С. Ю. Глазьев. Не догонять, а обгонять. — «Завтра». 2010. № 46.

¹⁸ См. «Качество жизни: законодательные аспекты модернизации. Аналитический доклад (VI Байкальский международный экономический форум)». М., 2010. С. 19.

сячи в Российской Федерации до нескольких десятков и сотен в других странах. В этой сфере в Российской Федерации было занято в 2009 году — 84,2 тысячи человек, на Украине — 18,5 тысячи, в Казахстане — 6,4 тысячи, Беларуси — 3,1 тысячи. Выручка от результатов НИР колеблется от почти 3 миллиардов долларов в России и 400 миллионов долларов на Украине до несопоставимо более малых цифр в других странах¹⁹.

В целях поддержки высокотехнологического бизнеса важно снять препятствия на пути развития инновационных предприятий. В итоге малые и средние предприятия смогут арендовать помещения у своих учредителей (вузов и научных центров) на

льготных условиях, без конкурсов, а также передавать права на использование результатов интеллектуальной деятельности третьим лицам.

Социально-консервативная модернизация, проводимая в Российской Федерации, должна означать качественный скачок в технологическом, экономическом и социально-политическом развитии страны, достигаемый ненасильственными методами, без единовременного революционного изменения общественного строя, без разрушения сложившейся веками культуры, на базе ценностей, традиционных для евразийской цивилизации. Такой скачок может быть достигнут только на основе коалиции всех социальных групп, поддерживающих модернизацию. ♦

¹⁹ См. «Статистика СНГ. Статистический бюллетень». 2010. № 21 (492).